

МОВОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Юрій СИТЬКО

К ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

У статті продемонстровано можливості застосування Кантових категорій модальності та відношення до виділення мовних моделей у функціонально-прагматичній лінгвістиці.

Ключові слова: модель, енергоматерія, енергоінформація, модальність, відношення, картина світу.

Основной целью настоящей статьи является демонстрация применимости Кантовых категорий модальности и отношения к выделению языковых моделей в функционально-прагматической лингвистике. Но прежде следует остановиться хоть на беглом обзоре сложившегося употребления этого термина.

Термин «модель» уже лет шестьдесят, то есть уже давно по меркам истории лингвистики, является популярным и широкоупотребимым. Общим в известных нам распространенных в идеях языковой модели является представление о ней как о способе реконструкции языка как объекта исследования, поставленном в соответствие к языку. Как собственно лингвистический термин слово «модель» введено применительно к грамматической проблематике в 1954 г. Хоккетом [Hockett 1954] и далее уже попало в широкий оборот в 1956 г. благодаря Н.Хомскому. Важно, что и Хоккет, и Хомский понимали модель как обобщение и средство формализации фактов.

Принципиальной чертой взглядов Хомского на модель является представление о наличии универсального метаязыка, имеющего логическую природу, который реализуется в конкретном национальном языке. Особенностью Хомскианских моделей (в том числе и во взглядах его последователей) является представление о модели как о логической машине (почему Хомский и генеративисты термин «модель» часто отождествляют с понятием «теория»¹⁵). Идея модели приобретает признаки объяснительного принципа и из разряда объектов исследования превращается в результат исследования. Хомскианская идея модели, например, ярко отразилась во взглядах Ганны Вежбицкой и получила второе дыхание на волне вхождения в моду когнитивной науки. Вежбицка утверждает, что моделирование языка есть моделирование языкового преобразования внеязыковых смыслов, базирующихся на семантических примитивах как единицах моделирования [Вежбицка 1993: 185].

Представление о языковых моделях в отечественной лингвистике находится под сильным влиянием взглядов А.Ф.Лосева, который считал, что « всякая модель есть воплощение определенной структуры на том или ином материале, в том или ином субстрате [...] Модель же получится тогда, когда структуру данного субстрата мы перенесем на другой субстрат» [Лосев 2010: 27]. Модель из картезианской логической машины («подрабатывающей» объяснительным принципом) превратилась в объективный и даже материальный феномен, независимый от лингвиста. Именно так понимает лингвистическую модель Ю.Д.Апресян: «От модели требуется только, чтобы ее поведение было похоже на поведение объекта; материал в котором она реализована, может отличаться (и практически всегда отличается) от материала из которого построен объект» [Апресян 1962: 79]. На аналогичной позиции стоит И.Мельчук, который видит в построении модели языка способ преодоления эффекта «черного ящика»: «Разумное решение для исследователя, интересующегося именно языком, состоит в построении системы формальных

15 Уже в 1957 г. Эттингер [Oettinger 1957] обнародовал взгляд на модели на продукт обобщения фактов, воздействующий на эти факты.

правил, моделирующей как можно точнее это формальное соответствие» [Мельчук 1997: 45-46].

Разница между моделированием языка в этих подходах заключается только в выборе материала моделирования. Тем не менее, нельзя не заметить принципиального тождества между предполагаемыми или получаемыми результатами: модель представляется независимым от носителя языка, в том числе и от исследователя, агрегатом, порождающим сигналы, идентичные сигналам, который порождает язык. Построение такой модели представляет большую инженерную задачу ограниченную, правда, экономической целесообразностью ее использования.

Функционально-прагматическое (трансценденталистское) понимание модели

Для гуманитарных наук вообще, а для лингвистики в особенности дело с моделью в рамках трансцендентализма обстоит иначе.

Объектом исследования для гуманитарных дисциплин являются ноуменальные сущности и связанные с ними процессы, отличающиеся от вещей в себе тем, что определяют не чувственный, а мыслительный опыт самого исследователя. Таким образом, исследователь (если он только человек), не обладая полной информацией об объекте, потенциально обладает всей доступной информацией о нем. Следовательно, операция моделирования – есть выявление доступных свойств объекта и уточнение нашего знания по его поводу. В этом плане корректное построение модели требует исследования объекта во всем его доступном познанию объеме. Такое построение предполагает три процедуры: 1) сбор информации об объекте, 2) обобщение информации, 3) проверка информации. Во всех трех случаях информация об объекте порождается в пределах опыта исследователя на основании исследуемого объекта как неотъемлемого свойства исследователя. Языковая модель в идеальном случае тождественна пониманию лингвиста (но не тождественна своему результативному речевому описанию или, тем более, символическому материальному воплощению). Таким образом, основным критерием качества описания модели является его значимость для различных носителей языка (безусловно, с учетом не только их языкового, но и вообще всякого смежного опыта) в их языковом опыте.

Рассматривая языковые модели, мы придерживаемся идеи Канта о модели как средстве организации опыта, который Кант представил в форме синтетических суждений. Модель, по Канту, есть априорное представление о последовательности установления отношений между энергоинформацией и энергоматерией в форме суждения. Такая последовательность является условием суждения, то есть априорна по отношению к нему и в этом предвременном и предопытном состоянии сосуществует с энергоинформацией. По признаку абсолютной или относительной априорности мы можем отождествить модельную информацию с энергоинформационной, но должны развести понятие и модель как информацию о симультанной (понятие) и сукцессивной (модель) организации опыта. Сказанное ставит вопрос: соответствует конкретная модель конкретному понятию? Мы предполагаем, что модели применимы к группам понятий, и их количество значительно меньше количества понятий.

Как мы пытались показать в статье в 15 выпуске *The Pecularity of Man*¹⁶, опытная информация есть информация об отношении между понятиями и возможными (воображаемыми) реализациями подчиняемых понятий. Следовательно, модель как механизм конституирования опыта вообще отличается от языковой модели тем, что последняя есть механизм регулирования опыта через установление отношений между понятиями. Язык же имеет социальную, а не индивидуальную природу, потому языковая модель возникает на основании и регулирует отношения лишь одной разновидности энергоматериальных симультанных единиц – тех, которые генетически и прагматически связаны с социальным опытом. Такие единицы можно отождествить с термином «языковое значение». Поскольку в отношениях между симультанной энергоинформацией ее реализации заменяют в опыте по функции феномены (определяемых в самом широком значении этого слова), мы утверждаем, что модели организуют процедуру субституции как подстановки энергоинформации в позицию энергоматерии в опыте.

Таким образом, мы считаем модель функционально промежуточным механизмом между инвариантными единицами языка и актуальными единицами речи. Вместе с тем мы утверждаем, что воспроизводимость единиц языка в речи требует представления о модели как инвариантном элементе языковой системы. под языковой моделью мы понимаем инвариантную (вневременную и априорную по отношению к актуальному опыту) информацию, регулирующую сукцессивное взаимодействие во времени языка и его составляющих между собой и со смежными сущностями

(картиной мира, смыслом и речью).

Для демонстрации изложенного, мы приводим определения моделей с основными пояснениями. Прежде всего, мы выделили модели, регулирующие образование опыта с энергоинформационной стороны. Поскольку такие образуют отношение информации к опыту (единственно возможной форме реальности), то эти модели можно назвать моделями модальности. Другим примером являются модели соотношения информации внутри опыта, которые мы вслед за Кантом называем отношениями¹⁷.

МОДЕЛИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА В ОТНОШЕНИИ К РЕЧИ

Под модальностью мы в данном случае подразумеваем источник отношений в опыте, который может быть не только энергоинформацией (1) или энергоматерией (2), но и их сосуществованием до опыта, понимаемым как синтез (3). В настоящем рассуждении мы предварительно называем функционирование языка с последующим установлением отношения в опыте речью.

Язык в его потенциальной реализации есть энергоинформация, вызывающая энергоматериальное, порождаемое самим языком в виде речи как второй составляющей (опыта). Язык по отношению к сигналу (энергоматерии) является иницирующей сущностью, то есть он способен породить сигнал в пределах речи в форме категории времени (но не пространства). В этой связи следует предположить

(IV 1¹⁸) модель как энергоинформационную схему, то есть сукцессивное представление о последовательности построения речи (опыта) во времени как линейного однонаправленного (временного) феномена¹⁹.

Язык в его действительной реализации есть пассивное, соотносимое с энергоматерией, которая требует (вызывает) языка в форме упорядочивающей составляющей речи (опыта). В этой связи следует предположить

(IV 2) модели упорядочивания (подчинения) речевых (энергоматериальных) соотношенных последовательно во времени феноменов.

Язык в его закономерной реализации есть отношение энергоинформации и энергоматерии, соотносимых в речи (опыте). Язык в данном аспекте находится во вневременном (инвариантном) отношении к сигналу (энергоматерии), что заставляет вычлени в сигнале инвариантную составляющую энергоинформационную (инвариантную) составляющую, соотносимую с языком. Последнее положение позволяет ввести в систему односторонние инвариантные единицы языка в статусе понятий²⁰. В этой связи языку следует приписать

(IV 3) модели соотношения языка и его единиц с инвариантами сигнальных единиц.

МОДЕЛИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Приведенные описания модальных отношений языка и связанных с ними моделей требуют уточнения, то есть описания отношений между языком и речью, которые возникают в пределах описанных выше модальных отношений. Под отношениями мы понимаем те формы взаимодействия языка и его реализаций, которые возникают в опыте, но не зависят от энергоматериального или энергоинформационного источника такого опыта.

Язык является целым²¹ (субстанция) и соотносится с различными зависимыми

17 Принятые нами названия, хоть и несколько неуклюжи, но позволяет сохранить терминологическую преемственность с концепцией И.Канта, на которой, собственно, базируются наши соображения.

18 В скобках перед определениями моделей мы приводим индексы, которые отсылают к таблице категорий, приведенной Кантом в «Критике чистого разума». Римская цифра обозначает категорию по порядку упоминания в таблице, а арабская – номер входящего в нее априорного понятия.

19 Мы предварительно и гипотетически выносим механизмы артикуляции и фонации в форме моторики за пределы языковой системы и языковых явлений, впрочем, решение этого вопроса для нашей задачи не важно.

20 Отметим, что такие понятия о сигнале не отождествляются с рассматривавшимися выше сигналами, а соотносятся с ними как инвариантное с актуальным.

21 Такая целостность не может быть неделимым единичным энергоинформационным, поскольку это бы противоречило вводимой идее частных реализаций языка. Также исключено определение языка как случайного набора неделимых энергоинформационных (агрегат, множество разнородных элементов без объединяющего признака). Забегая вперед, определим язык как систему делимых далее энергоинформационных, приняв положение о том, что язык есть целое, состоящее из элементов. Последнее предполагает идею фрактальной структуры языка.

проявлениями (акциденциями) как общее к частному. Например, акциденциями могут быть названы национальные языки (язык рассматривается как априорная способность к коммуникации на основании конвенционально зависимых сигналов) или социо- и идиолекты, а также речь в разных ситуациях. Язык, таким образом, является основанием для установления тождественности той или иной степени между такими явлениями. В этой связи мы должны предположить

(III 1) модели соотнесения апостериорных реализаций (акциденций)²² языка.

Язык находится во внешнем отношении смены во времени с речью (опытом). Следует выделить два направления такой смены: а) *язык* → *речь*; б) *речь* → *язык*. К этим двум отношениям сводятся более сложные отношения, например, *язык* → *речь* → *язык* или *речь* → *язык* → *речь*. Таким образом, мы должны предположить

(III 2) модели речепорождения (переход от языка к речи) и речевосприятия (переход от речи к языку).

Язык находится в отношениях взаимоисключения с речью, при этом речь и язык одновременно подчинены объединяющей их энергоинформации, которую мы условно назовем знаком. Идея означивания предполагает

(III 3) модель как схему двунаправленного (взаимодействие) установления субституции языка (и его составляющих) и речи (ее линейных единиц) и наоборот.

Отметим, что так понятая модель означивания подчиняет (включает) перечисленные выше модели речепорождения и речевосприятия и регулирует их через знаковые отношения в опыте.

Язык в отношении к картине мира

(отношения социального и индивидуального в энергоинформации)

Наше рассуждение неполно: оно ограничивает язык только от опыта и способностей воображения и суждения как рассудочных функций и никак не уточняет нашего представления о языке в его отношении к индивидуальному разуму. Последний мы здесь называем *картиной мира* и отличаем от языка в пределах нашего рассуждения как индивидуальное от социального. Важно помнить, что язык, во-первых, может соотноситься с картиной мира непосредственно как энергоинформация, для чего требуется энергоматериальная (актуальная) реализация картины мира в форме опыта, которую мы назовем *смыслом*. Во-вторых, язык способен вступать в опосредованные отношения с картиной мира как энергоматерией, выступая в виде речи (актуальной реализации) в опыте. Основываясь на рассуждениях, аналогичных приведенным выше, мы можем выделить следующие модели:

Модели установления модальности языка в отношении к смыслу (ЭНЕРГОМАТЕРИАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КАРТИНЫ МИРА В ОПЫТЕ)

(IV 1) Модели порождения актуальных смыслов на основании инвариантных единиц языка.

(IV 2) модели порождения инвариантных единиц языка на основании смыслов.

(IV 3) модели выбора инвариантных единиц языка, соответствующих возможному смыслу, регулируемые мышлением.

Модели установления отношений языка и смысла

(III 1) Модели сопоставления (подчинения) смыслов в опыте языковой единице.

(III 2) Модели сопоставления смыслов и языка: а) модели соотнесения смыслов с предшествующими в опыте языковыми единицами б) модели соотнесения языковых единиц с предшествующими в опыте смыслами.

(III 3) Модели речемышления как соотнесения языка и инвариантами смыслов в опыте, регулируемые картиной мира.

Модели установления модальности картины мира в отношении к речи (ЭНЕРГОМАТЕРИАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА В ОПЫТЕ)

(IV 1) Модели порождения речемыслительного оформления картины мира как отношения к актуальным (речевым) реализациям языка: а) модели порождения языковых единиц (например, словообразование); б) модели порождения речевых единиц (например, синтаксирование)

(IV 2) Модели соотнесения актуальных (речевых) реализаций языка с картиной мира

(IV 3) Модели выбора актуальных (речевых) языковых реализаций сопоставленных

²² Практически такие модели проявляются в решении носителями языка вопросов о том, на каком языке говорят или о том, существуют ли в нем те или иные единицы.

единице картины мира

МОДЕЛИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ КАРТИНЫ МИРА И РЕЧИ

(Ш 1) Модели сопоставления (подчинения) единице картины мира актуальных (речевых) реализаций языка

(Ш 2) Модели соотнесения во времени картины мира и речи: а) модели соотнесения речи с предшествующей во времени картиной мира б) модели соотнесения картины мира с предшествующей во времени речью.

(Ш 3) Модели речемышления как соотнесения единиц картины мира с инвариантами единиц речи, регулируемые разумом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поднятая нами проблема требует изложения, менее лаконичного, чем статья. Но уже на приведенном материале видно, что Кантовы категории модальности и отношения целиком приложимы к исследованию языковых моделей. Более того, приведенные выше примеры показывают, что формализация этих категорий дает в руки исследователя довольно мощную «логику», способную порождать гипотезы, в самой ткани которых содержатся признаки их верификации и фальсификации.

Наконец, следует добавить, что приведенные определения конкретных моделей функционирования языка в его внешних и внутренних отношениях настоятельно требуют интерпретации сквозь призму категорий количества и качества, которые, заметим предварительно, позволяют значительно уточнять отношения между составляющими языкового опыта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 306 с.
2. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия// Вопросы языкознания. – 1993. – №2.
3. Вежбицка 1993: Вежбицкая А. Семантика, культура и познание; общечеловеческие понятия в культурно-специфических контекстах // Thesis: Theory and history of economic and cultural institutions and systems / Almanac. – Москва, 1993. – Vol.1 – № 3. – С. 185-206
4. Вежбицка 2001: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
5. Герасимова И.А. Формальная грамматика и интенциональная логика – М., 2000.- 156 с.
6. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / Иммануил Кант; Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2006. – 1081 с.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1996. – 264 с.
8. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
9. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / Под ред. И.А.Василенко. Изд. 3-е / А.Ф.Лосев – авт., И.А.Василенко – ред. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
10. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
11. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I: Пер. с фр. / Предисл. А.Е.Кибрика. Общая редакция Н.В.Перцова. – Москва – Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. – 416 с.
12. С. К. Шаумян, Теоретические основы трансформационной грамматики // Новое в лингвистике / Сост. В.А.Звегинцев. – М.: Изд-во иностр. лит-ры., 1962. – С. 391-411.
13. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.
14. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике / Сост. В.А.Звегинцев. – М.: Изд-во иностр. лит-ры., 1962. – С. 412-527.
15. Шаумян С. К., Порождающая лингвистическая модель на базе